

Тамара МЕЛИКЯН

ФИЛОСОФСКИЙ ПОДТЕКСТ “МОРСКОЙ” ПОЭЗИИ БОРИСА ПАСТЕРНАКА

Для русской литературы и русской читающей публики многие места черноморского побережья и Крыма впервые были открыты А.С. Пушкиным. Когда писатели и поэты первой половины XX в. писали о Крыме, они невольно поддавались магии пушкинских описаний Тавриды. Новые впечатления, рожденные новой эпохой, полноправно входили в их творчество, но рядом с этими впечатлениями, темами и мотивами присутствовали и образы пушкинской поэзии.

Исследователь творчества Б.Л. Пастернака М. Поливанов считает, что цикл Пастернака, названный «Тема с вариациями», непосредственно связан с многочисленными живописными опытами Айвазовского, который на протяжении нескольких десятилетий обращался к теме «Пушкин у Черного моря».¹ Первым таким опытом было изображение А.С. Пушкина на скале моря, в плаще и со шляпой в руках (1868). Это полотно называлось «Пушкин на берегу Черного моря». В 1887г., к 50-летию гибели А.С. Пушкина, Айвазовский пишет картину в соавторстве с Репиным, и еще одну, под названием - «Пушкин на берегу Черного моря», где Пушкин полулежит, откинувшись на спину, а рядом с ним – шляпа и трость.

В 1897г. появляется полотно с таким же названием, где Пушкин стоит лицом к волнам, а в руке держит шляпу и трость. Интересно, что образ трости появляется в поэзии Б.Л. Пастернака при описании А.С. Пушкина во второй «Подражательной» вариации - «... Полынь и дрок / За набалдашник цеплялись...»².

Существует еще несколько полотен, в которых Айвазовский обращался к изображению поэта (А. С. Пушкина) и моря, и, по крайней мере, два из них могут быть одновременно связаны с поэзией Б.Л. Пастернака. В 1880г. Айвазовский создал полотно «Пушкин в Крыму у Гурзуфских скал», где поэт изображен в профиль, полулежащим на скале, рядом лежит его шляпа. Поза Пушкина (одной рукой поэт подпирает подбородок, а другая лежит на скале перед ним), напоминает позу, в которой изображали лежащих сфинксов, что позволяет объяснить причины появления образа сфинкса в «Теме» Пастернака. Картина Айвазовского «Пушкин и Раевская в Гурзуфе» соотносится с воспоминаниями Раевской и строками из «Евгения Онегина»: «... Я помню море пред грозою... как я желал тогда с волнами коснуться милых ног устами»³.

¹ Поливанов К. Канонические тексты Пушкина в лирике и романе Б. Пастернака. М.: Издательство РГГУ, 2006, стр. 199.

² Пастернак Б. Тема с вариациями // Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в пяти томах. М.: Художественная литература, 1989. Т.1, стр. 182.

³ Пушкин А. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: Художественная литература, 1977. Т.5, стр. 20.

Можно предположить, что таким образом не только с Пушкиным, но и с Айвазовским связаны в цикле «Темы и вариации» Б.Л. Пастернака строки, в которых присутствуют образы поцелуя и прибора: «... Песок кругом заляпан/ Сырыми поцелуями медуз», «С их чашечек коленных ... пил отблеск...»⁴.

Б.Л. Пастернак впервые обращается к морской, крымской теме в 1918г. Тем не менее, письменных указаний на то, что летом 1918г. поэт был на Черноморском побережье или в Крыму, - нет. Естественно, берег Черного моря Б.Л. Пастернаку был знаком с детства, первые тринадцать лет своей жизни будущий поэт регулярно проводил лето в Одессе, на родине отца. Тем не менее, именно в 1918г. впервые появляется пушкинская тема в лирике Б.Л. Пастернака, причем, это тема – морская, крымская. В сборнике «Темы и вариации» она обозначена просто: «Тема». Во всем сборнике (и, прежде всего, в первом его стихотворении «Тема») бросается в глаза присутствие достаточно явных зрительных образов, как-то: фигура на скале, берег, штормовой прибор и луна:

«Скала и шторм. Скала и плащ и шляпа.
Скала и – Пушкин. Тот, кто и сейчас,
Закрыв глаза, стоит и видит в сфинксе
Не нашу дичь: не домыслы в тупик
Поставленного грека, не загадку,
Но предка: плоскогубого хамита,
Как оспу, перенесшего пески,
Изрытого, как оспю, пустыней,
И больше ничего. Скала и шторм».

Судя по описанию морского пейзажа, фигуры поэта и берега, Б. Пастернак писал свою «Тему», опираясь на зрительный образ полотна И. Айвазовского «Прощание А.С. Пушкина с морем» (1887г.). Предыстория создания этого полотна И. Айвазовского такова: на одной из академических выставок в Санкт-Петербурге (1836) встретились два художника – пера и кисти. Знакомство с А.С. Пушкиным произвело неизгладимое впечатление на молодого Айвазовского. «С тех пор и без того любимый мною поэт сделался предметом моих дум, вдохновения и длинных бесед и рассказов о нем»⁵, - вспоминал художник. Пушкин с большим одобрением отзывался о работах талантливого студента Академии художеств.

Айвазовский всю жизнь преклонялся перед талантом величайшего русского поэта, посвятив ему позже (около 1880г.) целый цикл картин. В них художник соединил поэзию моря с образом поэта. Картина «Пушкин на берегу Черного моря» была создана в год пятидесятилетия со дня гибели А.С. Пушкина. В том же году была написана и другая – одна из лучших картин на пушкинскую тему - «Прощание Пушкина с морем», над которой И.К. Айвазовский работал в содружестве с И.Е. Ре-

⁴ Пастернак Б. Тема с вариациями // Пастернак Б., Собрание сочинений в пяти томах. М.: Художественная литература, 1989. Т.1, стр. 182.

⁵ Кузьмин Н. Воспоминания об Айвазовском. Киев: Энергия плюс, 2009.

пиным. (Репин писал в этой картине фигуру Пушкина, Айвазовский – пейзажный фон).

Полотно И. Айвазовского словно иллюстрирует пушкинские строки:

«Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.
В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн»⁶.

Стихотворение начинается с антитезы «скала и шторм». Скала в данном случае - не только символ твердости, во многих религиях она ассоциируется с жилищем Бога. Шторм связывали в большинстве культур с Божьим гневом и наказанием, поэтому большинство богов моря изображались с копьями или молниями и несли двойственный символизм разрушения и созидания. Интересно, что «Темы и вариации» Пастернак начинает писать как раз в первую революционную зиму. Если обратиться к датам написания стихотворений, вошедших впоследствии в сборник «Темы и вариации», то можно увидеть, что первые стихи (в частности, цикл из пяти стихотворений «Тема с вариациями») помечены именно 1918г.. Таким образом под «штормом» можно подразумевать как революцию, так и любовь, страсть. Влюбившись, поэт «пропустил» революционные битвы зимы 1918г.

В этот период Пастернак был влюблен в Елену Виноград. Любовь вспыхнула зимой. Обычным местом летних ночных свиданий поэта и его возлюбленной стал самый зеленый район Москвы, близкий к центру, и при этом как будто совсем не городской, из иного пространства - Воробьевы горы, а далее - пространство Нескучного сада и берег Москвы-реки. Когда же влюбленность прошла и наступил разрыв, разрушилась, погибла и привычная для Пастернака дореволюционная жизнь. Поэтому и любовь, и революция ассоциировались у Пастернака со штормом, с разгулом необузданной стихии. В то время Россию действительно «штормило».

Стихотворение «Тема» отсылает нас к пушкинскому стихотворению «К морю» («Прощай, свободная стихия»), в частности, к таким строкам:

«Судьба людей повсюду та же:
Где капля блага, там на страже.
Уж просвещение иль тиран»⁷.

Но пушкинское прощание происходит с морем спокойным, а в стихотворении Б. Пастернака, равно как и на картине И. Айвазовского, море штормовое, гроз-

⁶ Цит. по: Пушкин А. К морю // Пушкин А.С. Собр. Соч. в 10 томах. М.: Художественная литература, 1979. Т.1, стр. 188.

⁷ Пушкин А. Прощай, свободная стихия // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: Художественная литература, 1977. Т.1, стр.232.

ное, более подходящее к пушкинскому определению моря - свободная стихия. Стихия у Б.Л. Пастернака непредсказуема, как шторм.

Плащ в «Теме» Пастернака - это знак высокого достоинства и в то же время - завеса, отделяющая человека от окружающего мира, а также - маска, второе «я» человека. Именно в это время у М. Цветаевой рождается цикл стихотворений, объединенных названием «Плащ»:

«Век коронованной Интриги, /Век проходимцев, век плаща!/ Век, коронованный Голгофой», - именно так вступает в диалог со временем Марина Цветаева. «Плащ - для всех, кто строен и высок, /Плащ - для всех, кто смотрит на Восток»⁸, - обозначила символ плаща поэтесса как эпиграф, потому что век плаща «цвета времени и снов» ушел безвозвратно, сменившись веком Голгофы. Словосочетание «плащ и шляпа» можно рассматривать как трансформацию фразеологизма «перо и шпага». Это и знак рыцарства и поэзии и, одновременно, эмблема юридической службы в Российской империи.

Юридическая эмблема Российской империи выглядела следующим образом: на фоне лаврового венка изображены перекрещивающиеся перо и шпага. Б.Л. Пастернак, обучавшийся на юридическом отделении историко-философского факультета Московского университета, не мог не знать об этой эмблеме.

Трансформация пера в плащ, а шпаги - в шляпу, несет в данном случае особую смысловую нагрузку. Заметим, что головные уборы различного вида имеют глубокое символическое значение. Они оптически увеличивают рост человека, но всегда находятся примерно на высоте глаз смотрящего, и, следовательно, на них обращают внимание с первого взгляда.

Шляпа может быть символом того, кто ее носит, и стать его заместителем, как это произошло в легенде о Вильгельме Телле со шляпой Ландфогта Гесслера. Поэтому образ Пушкина в плаще и шляпе на картине Айвазовского усиливается и наполняется поэтической символикой, становится более емким. Отметим, что на других полотнах Айвазовского Пушкин изображен без плаща, поэт - в жилетке и белой рубашке, сливающейся по цвету с морской пеной, но контрастирующей с темной скалой. Пушкин у Пастернака - это тот, кто:

«Закрыв глаза, стоит и видит в сфинксе
Не нашу дичь: не домыслы в тупик
Поставленного грека, не загадку,
Но предка: плоскогубого хамита,
Как оспу, перенесшего пески,
Изрытого, как оспую, пустыней,
И больше ничего» («Тема»)⁹.

⁸ Цит. по: Цветаева М. Плащ // Цветаева М.И. Собрание сочинений в трех томах. М.: ПТО «Центр», 1993. Т.1, стр. 233.

⁹ Пастернак Б., Тема с вариациями. Тема // Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в пяти томах: М.: Художественная литература, 1989. Т.1, стр. 182.

Для Пастернака сфинкс - это, прежде всего, существо, в котором древняя мудрость увидела четыре основных правила поведения: знать - благодаря разуму; желать - с силой льва; дерзать - то есть отважно воспарять на мощных орлиных крыльях; молчать - с непоколебимой силой и собранностью быка. Воплощением такого сфинкса является поэт-пророк, которым для Пастернака являлся А.С. Пушкин. Это пророк, у которого «отверзлись вещие зеницы, / Как у испуганной орлицы», который внимает «неба содроганье, / И горний ангелов полет, / И гад морских подводный ход, / И дольней лозы прозябанье»¹⁰. Пушкинский пророк, с углём, пылающим огнем, вместо сердца, может «глаголом жечь сердца людей».

В 1880 г. И.К. Айвазовский создал полотно «Пушкин в Крыму у Гурзуфских скал», где поэт изображен в профиль, полулежащим на скале, а рядом лежит его шляпа. Поза Пушкина (одной рукой поэт подпирает подбородок, другую - положил перед собой) напоминает положение, в которых изображали лежащих сфинксов, что позволяет усмотреть здесь одну из причин появления сфинкса в «Теме» Пастернака. М. Поливанов писал, что в «Теме» Пастернак выделяет в качестве едва ли не главной черты Пушкина - губы. Именно губы Пушкина становятся «мостиком», соединяющим поэта с загадочным сфинксом — «плоскогубым хамитом» («видит в сфинксе <...> предка: плоскогубого хамита»¹¹.

Фоника морского пейзажа насыщена звуками морской стихии:

«Скала и шторм.

В осатаненьи льющееся пиво

С усов обрывов, мысов скал и кос,

Мелей и миль. И гул и польханье

Окаченной луной, как из лохани,

Пучины. Шум и чад и шторм взасос.

Светло как днем. Их озаряет пена...»¹²

«С-ус-ов-обры-вов», чередование «с», «р», «в», - картина ревущего моря, моря живого, воплощенного Нептуна. Пейзаж у Пастернака реалистичен и одновременно - символичен. Поросшие травой обрывы напоминают усы, по которым течет, пенится, как пиво, вода морского прибоя.

В то же время перед нами сказочный образ, восходящий к образу Головы из пушкинского «Руслана и Людмилы», а также к неперменной концовке всех сказок: «По усам текло, а в рот не попало». Подобные концовки, как считает А. Пропп, есть «внесение первого лица и их содержание - повествование рассказчика о тех или иных случившихся с ним событиях. Традиционно функция их определяется как

¹⁰ Пушкин А. Пророк // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: Художественная литература, 1977. Т.2, стр. 132.

¹¹ Пастернак Б. Тема с вариациями. Тема // Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в пяти томах: М.: Художественная литература, 1989. Т.1, стр. 182.

¹² Пастернак Б. Тема с вариациями. Тема // Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в пяти томах: М.: Художественная литература, 1989. Т.1, стр. 183.

подчёркивание нереальности всего рассказанного, внесение комизма в повествование, «разряжение атмосферы»¹³.

Более того, мед-пиво представляет собой обрядовую пищу, которая соотносится со сказочным мотивом пищи мёртвых. Следовательно, можно признать, что положение лирического героя в данном стихотворении локализуется границей миров. Лирический герой «Тем с вариациями» одновременно созерцает море, Пушкина у моря, картину Айвазовского «Пушкин у моря» и море, как социальную стихию, соотносимую с революцией, бешеной ломкой старого мира и старых устоев.

Заметим, что усы - символ зрелой мужественности. Герои, цари и боги всегда представляли перед народом с бородой или с усами. Однако в Риме бритье бороды и усов было обычным делом вплоть до правления императора Адриана и вновь возобновилось при Константине Великом. Поэтому метафора «усы обрывов» очень интересна. Обрыв (пропасть) можно рассматривать, как символ хаоса.

Таким образом, морские тексты Б.Л. Пастернака, пересекающиеся с морскими текстами А. С. Пушкина, написаны человеком, видевшим Крым на картинах великого И.К. Айвазовского и своего отца – Леонида Пастернака. При этом, постоянно обращаясь к пушкинскому творчеству именно крымского периода, Пастернак боготворит море, черпает в нем силы, морская стихия для него - стихия души и силы.

ՓԻԼՍՈՓՈՒԹՅԱՎԱՆ ԵՆԹԱՏԵՔՍՏԸ ԲՈՐԻՍ ՊԱՍՏԵՌՆԱՎԻ «ԾՈՎԱՅԻՆ» ՊՈԵԶԻԱՅՈՒՄ

___ Անփոփում ___

___ Թ. Մելիքյան ___

Հոդվածում վերլուծվում է Բորիս Պաստերնակի ծովի թեմատիկայով քնարերգությունը: Նշվում է, որ Պաստերնակի «ծովային» բանաստեղծություններում զգացվում է Ալեքսանդր Պուշկինի մեծ ազդեցությունը, հատկապես այն բանաստեղծություններում, որոնցում գովերգվում է Ղրիմը: Սակայն, Պուշկինի ազդեցությունից բացի, Պաստերնակը մեծ տպավորություն է ստանում Հովհաննես Այվազովսկու կտավներից, հատկապես նրանցից, որոնցում պատկերված է Պուշկինը Սև ծովի ափին: Հովհաննես Այվազովսկու ազդեցության ներքո Պաստերնակը գրում է մի շարք բանաստեղծություններ, որտեղ գովերգում է ծովը, աստվածացնում այն՝ նրա մեջ հայտնաբերելով ուժի ակունքներ:

Сведения об авторе

Меликян Тамара Амаяковна – к.п.н., факультет
иностранных языков ГППИ им. М. Налбандяна.
E-mail: tamara.melikyan@mail.ru

¹³ Цит. по: Пропп А. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2011, стр. 211.